

Последующие события в памяти Кан Чжэ напоминали переэкспонированную киноплёнку. Он ненавидел такие претенциозные сравнения, но, как ни силился вспомнить, перед глазами всё равно стояла лишь обжигающая пустота.

Подобно тому, как много лет назад, когда он ещё не бросил учёбу, на одном из усыпляюще скучных уроков учитель химии вызвал его к доске для демонстрации опыта. Он взял длинный предмет, похожий на пинцет, достал из бутылки с керосином кусочек магния и на глазах у всего класса поджёг его. Он загорелся ослепительно ярким, обжигающе белым светом. Стоя в центре внимания, шестнадцатилетний Кан Чжэ, словно замороженный, смотрел на этот белый шар, чувствуя, как он прожигает дыру в его глазах, отчего всё вокруг казалось слишком ярким, превращаясь в мучительно белую пустоту.

Двадцатичетырёхлетний Кан Чжэ чувствовал, что этот свет лишает не только зрения, но и слуха. Шум, ругательства, смешанные с резким местным акцентом — Кан Чжэ с трудом разобрал тибетскую речь. Санджи получил пощёчину, щека тут же покраснела и опухла. Потом его пнули ногой, и он рухнул на колени, incapable встать. Трудно сказать, что его удерживало на земле — боль или ужас. Дядя Дэцзи покраснел от гнева или, возможно, от чего-то ещё.

Все эти окутанные нереальной дымкой картины словно тонули в резком утреннем свете и казались пустыми и призрачными. Кан Чжэ не мог с уверенностью сказать, был ли он сам частью этой сцены. Санджи покинул город в тот же день. Шэньчжэнь, некогда объект его бесчисленных мечтаний, не подарил этому молодому тибетцу ни единого светлого воспоминания. Он уезжал, потерпев полное фиаско, ещё более жалким, чем прибыл. Санджи даже не смог забрать свой грязный, помятый мешок.

После того как дядя Дэцзи избил Санджи почти до полусмерти, он потащил его прочь. Кан Чжэ окликнул их, и спина Санджи мгновенно напряглась. Кан Чжэ заметил это, и ему показалось, что он почувствовал ту же боль в своих костях. Дядя Дэцзи долго не оборачивался, а когда наконец повернулся, то не смел поднять на него глаз.

Кан Чжэ медленно по-тибетски произнёс:

— Дядя Дэцзи, Санджи ни в чём не виноват, не бейте его.

После долгого молчания дядя Дэцзи так и не поднял головы. Он повернулся спиной к Кан Чжэ и кивнул. Краем глаза Кан Чжэ увидел, что Санджи беззвучно плачет. Слезы текли градом.

В конце концов, этот абсурдный и шумный фильм закончился последним взглядом Санджи. Возможно, потому, что Кан Чжэ знал: это был последний взгляд, в его переэкспонированных, словно отблеск горящего металла, воспоминаниях этот взгляд был полон обвинения, мольбы и отчаяния.

— После этого я больше не видел Санджи, — тихо произнёс Кан Чжэ, стоя у подножия исполинского камня, готовый раствориться в любом порыве ветра, устремлявшемся к заснеженным вершинам. — Не то чтобы я намеренно избегал его, просто наши пути разошлись.

Стоявший рядом Тан Юйхуэй не мог сдержать печали — не за себя, а за похороненного здесь, превратившегося в прах юношу, за его былую, теперь уже бессмысленную отвагу, за тот нелегкий путь в тысячи километров, который он проделал.

— Почему вы потеряли связь?

— Его отец запер его, — ответил Кан Чжэ. — Почти на полгода.

Тан Юйхуэй ошеломлённо посмотрел на него, а Кан Чжэ продолжил мрачным голосом:

— На самом деле, дядя Дэцзи хороший человек. Он любил Санджи больше всех.

Кан Чжэ повернулся к пихте, растущей рядом с камнем, и спокойно сказал:

— Но ты же сам видел — даже в больших городах подобные вещи не всегда принимаются старшим поколением, не говоря уже о таких отдалённых, закрытых горных районах. Это считается нечистым, — ровным голосом произнёс Кан Чжэ. — Возможно, его отец думал

также.

Тан Юйхуэй не заметил, как его руки начали слегка дрожать. Он с трудом спросил:

— А что было потом?

— Ты думаешь, дядя Дэцзи убил его? — Кан Чжэ усмехнулся. — Нет, дядя Дэцзи мягкосердечный. Он просто не мог этого понять. Если бы не то, что случилось потом, думаю, со временем он бы его простил. Санджи сбежал.

Тан Юйхуэй удивлённо распахнул глаза, а Кан Чжэ медленно продолжил:

— Со временем дядя Дэцзи, пытаясь наладить отношения, стал меньше следить за ним. Никто не ожидал, что Санджи сбежит. Он оставил все деньги, которые заработал в Шэньчжэне, и нацарапал на столе, что уходит путешествовать и вернётся, когда всё наладится.

Кан Чжэ слабо улыбнулся:

— Ты, наверное, думаешь, что он хотел найти меня. Дядя Дэцзи тоже так думал. Но я ни о чём не знал. Он побывал в Даочэне, Литане, затем пересёк мост через реку Цзиньша, добрался до Медога, Ньингчи, Лхасы, сфотографировался у ворот храма Джоканг, распечатал фотографию и отправил мне. Я тогда уже давно уехал из Шэньчжэня. Он, наверное, знал об этом, поэтому не надеялся, что я её получу.

Я не знаю, стало ли ему лучше, как он говорил, но потом он возвращался домой, и как только въехал в провинцию Сычуань, попал под оползень. Все в машине погибли. Выжил только один ребёнок, которого грязевым потоком вынесло в другое место, но его тоже не удалось спасти. Когда его нашли, он был уже при смерти, но всё повторял спасателям, чтобы они спасли одного тибетского брата.

Кан Чжэ снова обратил взор к горизонту, к вековым снегам священной горы Гунгашань. Без печали, без боли, лишь с искренним спокойствием он спросил:

— Скажи, был ли я должен быть с ним добрее?

Тан Юйхуэй не мог ответить. Его бил озноб, он лишь крепче прижался к Кан Чжэ, дрожа всем телом.

— А-Чжэ, это не твоя вина... — прошептал он бледными губами.

— Я и не говорил, что это моя вина, — Кан Чжэ мягко обнял его, сказал едва слышно. — Но если бы мог, я бы хотел протянуть ему руку помощи.

Он нежно погладил Тан Юйхуэя по голове и поцеловал в макушку.

— Не плачь, Тан-Тан. Видишь, как оно есть. Я не могу уйти отсюда. Я никогда не испытывал ни особой радости, ни особой боли, поэтому для меня не имеет значения где я нахожусь. Но я не могу так просто попрощаться с этим местом. Я больше не принадлежу себе, поэтому не могу принадлежать и тебе. Я не могу любить тебя.

Тан Юйхуэй затрясся от рыданий, уткнувшись лицом в плечо Кан Чжэ.

— Ничего, ничего, а-Чжэ... Я понимаю... — дрожащим голосом проговорил он.

Они стояли обнявшись под безмолвным взором белоснежных вершин. Долгое время их окутывала тишина. Наконец, Тан Юйхуэй поднял голову и посмотрел в сухие, без слёз глаза Кан Чжэ.

— А-Чжэ, ты его любил?

Кан Чжэ улыбнулся. Дрожь, пробежавшая по его груди, вызвала новый поток слёз у Тан Юйхуэя. Он нежно погладил его по уху и с печальной лаской в голосе произнёс:

— Ты меня совсем не слушал.

Тан Юйхуэй, промочив слезами одежду на груди Кан Чжэ, услышал, как тот почти со вздохом проговорил:

— Нет, не любил. В этом-то и дело, что не любил.

* * *

Спустившись с горы, Кан Чжэ выглядел как обычно, словно и не прощался только что с Тан Юйхуэем и со всем своим прошлым. Он надел шлем на Тан Юйхуэя, бережно поправив ремешок.

— Проводить тебя послезавтра?

Глаза Тан Юйхуэя болели от слёз, он с трудом мог их открыть.

— Хорошо, — едва слышно ответил он.

— Ладно, — кивнул Кан Чжэ, слегка улыбнувшись. — Надеюсь, ты ещё когда-нибудь приедешь в Гардзе.

— Хорошо, — с усилием кивнул Тан Юйхуэй, выдавив из себя улыбку. — Если будет возможность.

Та же долгая дорога. Шоссе под лучами восходящего солнца выглядело так же, как и в день их приезда. Всё тот же рокот мотоцикла, похожий на грохот камней в горном ущелье. Небо по-прежнему сияло синевой, горы зеленели, облака цеплялись за вершины, провожая домой путника и его возлюбленного.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12810/1130192>